

— Валуны пополез!
Заполненные вопли Лашутихи разнеслись по деревне. Старушка бежала по улице, размахивая руками, оповещающая всех:

— Пополз, к ручью пополз!

Напуганные криками подошли женщины. Вслед за женщинами приковылял Ваня «Хо». С другого конца деревни подлетел на «Беларусе» Лёнька Гусев. Узнав причину сборища, только сплюнул, но остался послушать. Увидев сына, запостукивал папиросой о тёмный от мазута ноготь: не любил он хождений сына к валуну. Петька, увидев отца, спрятался за спины женщин. Откуда-то вынырнули братья Стёпкины. Старший Володька подошёл к Петьке, и они о чём-то зашушукались.

Старушка, поуспокоившись, заметив заинтересованность в глазах собравшихся, уже красочно стала рассказывать, как она шла по черничнику, а ягоды оборваны, кое-где мелочь россыпью чернеется... а ближе к камню напала на пятачок... только в раж вошла, а тут как взрвёт с выдохом, аж ветер над головой шумнул.

— Корзина в одну сторону, я — в другую. Не помню, как к деревне вынесло.

Любопытствующие только ахали. Ваня «Хо» изумлённо поглядывал на пучившую глаза Лашутиху, недоверчиво прищёпывал:

— А валун-то качнулся, али попольз?

— Не видела, но слышала, как под ним хрустнуло, протяжно так захрустело...

Переглянувшись, Володька с Петькой незаметно отошли от младшего Стёпкина. За деревней друзья обогнули поле, по которому разбрелись коро-вы. Гусев настоял сделать крюк, чтобы пастух не догадался, что они идут к камню и никому не рассказали. Трава поднялась, местами спутывала ноги, пестрела цветами. За угором раскину-лась шелковистым ковром.

— Хороша трава, второй укос, а сочная, скоро косить начнут, — Володька на ходу сорвал пучок, приложил к лицу. — Запах... понохай...

Прошли лесные островки, словно сеткой разделяющие поляны, и вышли на луговину, сплошь покрытую сорной метлицей. Пошли, поднимая метельчатую траву, прямо на ельник. По краям краснел иван-чай, ало блестел на солнце. Жаркие лучи протыкали жидкие облака и, не задерживаясь, калили землю. Отмахиваясь от слепней сорванными метёлками, оставляли за собой глубокие утоптан-ные борозды.

Володька нетерпеливо прибавлял шаг, обгоняя друга, желая выйти к валуну первым. Гусев не гнался, шёл позади, лишь изредка улыбался его торопливости.

Лапник загустел, не просвечивался солнцем. Пришлось согнуться, поднырнуть под сохшиеся ветки. Поперёк протянулись муравьиная тропя. На ней кипела жизнь: муравьи, не задевая друг дружку, сновали взад-вперёд. Гусев огляделся, заметил за стволами иглычатую насыпь. Чуть в стороне высился другой муравейник. Пока разглядывал, Володька исчез за деревьями. Выйдя из глухого ельника, Гусев вдохнул воздух, на миг показав-шийся прохладным после застояв-шейся духоты.

Володька остановился в нерешительности перед камнем. Что-то величаво-грозное таилось в камне, его неподвижности. Стоял он крепко, всей подошвой вдавливался в землю. Володька осторожно шагнул, ожидая воздействия неведомой силы. Не оборачиваясь, произнёс:

— Стоит. Не похоже, чтобы двигался. — Нагнулся, рассматривая основа-ние. — Врёт Лашутиха. Если раньше и передавали, то ветром. Знаешь, какие были? Ого-го, ветрогромами прозывались. Дунет, враз перевернёт.

Володька, уже не опасаясь, положи-л руку на валун и тут же отёрнул. Гусев усмехнулся:

— Толкает?

— Не, уколосил, — и снова приложил ладонь к поверхности. — Дрожит...

— Это у тебя рука дрожит.

— А ты послушай. — Володька при-жался ухом к валуну. — Как в ракушке...

В том году, помнишь, нащёптывали же-лания и слушали, что в ответ скажет. Сам учил. Я все губы в песке извозил.

— Я пошутил, а вы поверили.

— Ах, так...

Володька бросился за товарищем, и они, со смехом, закружили вокруг камня, пытаясь изловить друг друга.

Валун, казалось, угромо взира-л на суету вокруг себя. Бегают ребята, рвутся, за ними следы-тропкичи перепутываются; не замечают, как го-лоса с вибрацией камня сливаются. Затряслось каменное тело, песчинки на поверхности заприпикали, тон-кими струйками вниз побежали. Не замечают друзья, как уплотнятся воз-дух, силой полнитса. Свет из вершины волосьями стекает, закаменелая рука бугор ошупывает: то не бугор, а ко-лчан с калёнными стрелами. Тень у ка-мня затряслась, пытаясь оторваться. Гортанный клёкот из нутра рвётся. Со-трясается пространство, того и гляди оживёт валун, пойдёт супостатов бить.

Гусев, спасаясь от Володьки, к ка-мню прижался, попытался на него вска-рабаться. Почувствовал телом мел-кую дрожь и затихающие булькающие звуки. Совпали ритмы, и где-то глубо-ко внутри возникло ощущение не му-зыки, но созвучия. Словно позвал кто. Притих Гусев, прислушался, но ничего больше не отозвалось.

— Ты что?

Володька остановился, увидев за-стывшее лицо друга. Петька ничего не ответил, лишь слабо махнул рукой. Устало опустилса на корточки:

— Поздно уже, пора домой.

Володька не стал возражать. Он и раньше не верил рассказам о таин-ственной силе валуна, теперь же в очередной раз убедился в этом. Но чувство неуютности после рассказов Гусева испытывал. На прощание по-хлопал валун ладонью:

— Стой, где стоишь! Придём в сле-дующий раз, а тебя и след простыл, и что нам без тебя и думать?

Всю дорогу молчали. Володька смот-рел на притихшего друга, пытался выве-дать причину перемены настроения. Но на все вопросы тот отмалчивался. Кто поверит, что камень живой. А он живой — в это Петька поверил окончательно.

Друзья ещё не знали, что младший Стёпкин сумел отомстить за своё унижение. Встретив Петькиного отца, он тут же рассказал о валуне. Гусев только желваками стрельнул, но рас-сердился не на сына. Желание сва-лить камень вспыхнуло с новой силой.

Эта мысль не давала покоя и по но-чам. Прикидывал, как сподручнее уло-пить в болоте... Во сне грезились низ-вергнутый камень, и он, Лёнька Гусев, стоял на нём.

С утра день у Лёньки не задался. Ве-чером, заглянув в комнату сына, обругал:

— К камню таскаешься, а черники в доме ни ягодки. Люди ведрами носят. Вынесут, придётся на дальние бо-лота идти! — передразнил жену: — «Петюнька, дорогой, милый...». Лоботряс растёт, в восьмой класс пойдёт, а пи-шет, как курица царапает!

Дородное Любюно тело колыхнулось, руки тут же уперлись в пышные бёдра.

— Сам-то как писал, гусь ошипан-ный, забыл?!

Сухопарый Лёнька взвился, как уку-шенный, от детского прозвища. Знала жена, чем сразить, разом осаживала. Хрястнул дверью и ушёл на сеновал спать. Всю ночь провоцирался под ко-ровьи вздохи. Ещё долго оглашено-во крикивала Люба, выскакивала в сени. Лёнька давился обидой, кусал губы, чтобы не ответить. Не хотел очередно-го скандала и сам себя ругал: «Зачем не удержался, на сына накричал...».

Утром дождался, когда жена выве-ла корову со двора. Слушал, как она ласково приговаривала: «Пташечка, ласточка моя...». Коровя ответно мы-чала, слышно было, как торкалась влажными губами в ладони, слизыва-ла хлеб. Лёнька затаённо вздыхал и думал, чем с утра заняться. В лесу он свалил украдкой несколько деревьев и теперь надеялся распилить и заве-зти в Нефёдьёво Колпитовлю Алёне — восьмидесятилетней старухе. Та обе-щала выдать жидкой валютой, никогда не обманывала и рассчитывалась ще-дро. Лёнькино лицо оживилось, при-няло осмысленное выражение. Он неспешно залил топливом бензопилу, разобрал и сложил в рюкзак вместе с флягами с маслом и бензином. Че-рез огород вышел на проулок и, не-складно закидывая ноги, пошёл в гору. За деревней перемахнул большак и углубился в подлесок, надеясь выйти вдоль ручья к валуну, а там и потайное место рядом. Сутулясь, бойко махал через валежины, обходил тропку сто-роной. От быстрого шага розовел ли-цом, радовался отсутствию председа-теля. Алексей Васильевич до восхода укатил в соседний район на перегово-ры с перекупщиками, те неожиданно отказались от осенней закупки кар-тошки, и председатель, подогревая себя нехорошим предчувствием, на-деялся перехватить их по дороге, за-ранее соглашався на любую цену.

В лесной прохладе Лёнька успоко-ился, ушло с лица раздражение. Бы-стро разогрелся, двигаясь по бездоро-жью. Сапоги мяли спутавшуюся траву, хрустко проваливались в мшистую, усыпанную лиственной листвою. Откуда-то сверху горстью брызнула лосиная вошь, воилась в волосы. Отмахива-ясь, Лёнька рысью дёрнул в сторону. На поляне перевёл дух, выдирая на-секомых из волос. Влажные от росы голенища заблестели на солнце. Со-чилась из-под подошв выдавленная вода, кантовала сапоги серебристым светом. Теплился воздух, завесой играл прогретый на солнце. Лёнька на-блюдал движение воздушных струй и там, в лёгком мареве, среди деревьев проступал контур огромного валуна.

Леонид действительно недолюбли-вал огромный камень, даже пытался «Беларусом» затолкать в болото, куда он, по преданию, был выброшен. Гово-рили, пять веков полз, хотел до церкви доползти, там, в древности, его место было. А как из храма все крещёные камни выкинули, он и остановился. За церковью до сих пор расколотые лежни валяются и высеченные кресты на них просматриваются. Гонения на старове-ров начались, до этого они со всеми в церковь ходили; и сколько их поуби-вали... И пошла смута по Руси гулять... Всё это Гусеву было безразлично, и всегда проходил возле камня без напряжения. А сегодня вдруг закаме-нел. Ноги застыли, налились ледяным холодом. Тупо смотрел на валун, и казалось ему, что и валун смотрит на него. Не отвёл взгляд, стоял, с трудом переминаясь. Собрал силы в кулак и двинулся с места. Мотало Лёньку из стороны в сторону: то влево шатнёт, то вправо. Озлился на камень, набичил-ся, шёл как против ветра. Невидимая сила уперлась в грудь. Замечал Лёнька и раньше сопротивление воздуха возле камня. Воспринимал как игру: кто кого? Каждый раз, подойдя, снисходительно похлопывал ладонью по ребристой по-

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

верхности, мол, знай, кто здесь хозяин. Не верил деревенским рассказам о живой силе камня, а тут страх ознобом окатил. Почувствовал вибрацию возду-ха, едва слышимое гудение, охватив-шее пространство. Не замечал, как на-щёптывал: «Сворочу я тебя, трактором в реку затолкаю. Ишь, выползешь, моду взял по земле шастать». Колебалась земля под ногами, казалось, и валун не стоит на месте, в солнечном мареве огненной лавой к небу изливается. Того и гляди испепелит вселенную, смешает миры и обрушит небо на смертных, что не ведают, что творят.

Уперьса Лёнька в камень и оглушило внезапной тишиной. Вскинул голову, а над ним великан в облака упирается, солнечные лучи — волосы по плечам разбегаются. Лёгкий вздох сотряс ка-менное тело и всё успокоилось. Вновь застрекотали птицы, зашумела листва над головой. Лёнька передохнул, при-валился плечом к камню, дивясь на-важдению. Прямо перед ним алели гроздь одинокой рябины, за ней кра-совались молоденькие ёлочки. Даль-ше берёзы, старые и молодые, зеле-нели поредевшей листвой, а за ними стена потемневших от времени елей. И над всем этим, по горизонту, белё-сое небо, очищенное от облаков.

Вспархивали новость откуда взяв-шиеся мотыльки, витиевато вились в беспорядочном движении. Лёнька не-уловко переобулся, вытряхнул из сапог набившуюся листву. Сминая траву, снова пошёл буром, оставляя за собой

Виктор Плотников Камень Рассказ

тёмный след вдавленных, уже подсы-хающих с корня, стеблей. Медленно просачивалась ржавая болотная вода, серебрила пробитую тропу. Мотыль-ки металиси перед лицом, сыпались в стороны и снова сбивались, сопро-вождая Лёньку до березняка, а там, подхваченные ветром, исчезли в ку-старнике. Выйдя на пригорок, потопал сапогами по плотной почве, сбивая с голенищ влагу. Оглядел видневшиеся вдаль аккуратно поваленные деревья. Стволы лежали ровно, верхушками в одну сторону. Норовисто, уже не опа-саясь, завёл пилу и несуетливо, при-вычными движениями стал смахивать сучья. Также сноровисто раскатал деревья на чурбаки. Хотел стаскать в одно место, но передумал. Нужно было до одиннадцати показаться в конторе — бережёного Бог бережёт.

Проходя мимо силосной траншеи, услышал крики ребяти: мальчиш-ки с разбега прыгали в траншею. Яму только начали заполнять, и высота полёта была внушительной; пролетев метра три, чуть не с головой погру-жались в «зелёнку». Леонид какое-то время наблюдал за полётами парней, отмечая, как дальше всех прыгает сын. Увидев бегущего Фёдора Ступова, по-шёл навстречу. Фёдор издала кричал, взмахивая руками:

— Вилы, вилы в траншее! Стойте! — пробегая мимо Гусева, заполошно вы-дохнул. — На обед ушёл, а вилы, чтобы не утащили, в траву зарыл.

Вилы оказались в другой стороне, но вспыхнувшее раздражение на Сту-пова и на то, какая могла случиться трагедия, Леонид выплеснул на сына. При себе залепил затрепанный, от ко-торой Пётр чуть с ног не свалился. Смо-рит на сына, а у него в глазах недоу-мение: за что? Пока шёл, стоял перед глазами эта картина. А всему виной ва-лун: если бы слушался отца, не ходил к камню, не было бы и этой вспышки.

Успокоился, когда увидел жёлтые валки, исчертившие поле; волной струились по неоплядному простран-ству. Гусев ещё вчера отладил рулон-ник и подцепил к трактору. В кабине поудобнее вдавился в сиденье и при-тих. С километр раскинулось поле. Вдалеке упиралось в плотную стену леса. Чёрной полосой чертили небо верхушки елей, по бокам подковой подступал березняк, серой пеленой стелился, сливаясь с облаками. Чуть ближе рвался отхватить часть пашни осинник. Разлапистые сучья глушат свет, покрывая дальние деревья глу-хой тенью. Далеко впереди валки сли-ваются в сплошную полосу и, словно оттолкнувшись от леса, лучисто бегут обратно, охватывая пространство в свои объятия, стелются перед Гусе-вым. Лёнька всматривается вдаль. Там, за, казалось, непроходимым лесом, Нефёдьёво. Там дом Тоськи Зориной — одноклассники Леонида. Частенько после школы провозжал до Нефёдьёва. А потом дороги раз-бежались: он — в техникум поступил, она — в медучилище. Вышла замуж неудачно. Муж пил, и она стала попи-вать. Детей не завели. После смерти мужа, по слухам, с работы за пьянку уволили. Два года назад вернулась домой. Отец, инвалид войны, ещё в начале восьмидесятых умер. Мать в прошлом году похоронила и совсем сорвалась с катушек. При встрече Лёнька старался на одноклассницу не смотреть, злился за её поведение. А глаза искали цветастый платок, сви-шавшие волосы, которые она поправля-ла частым движением руки. Выделял её голос, невольно прислушивался к хрипловатым, но узнаваемым с дет-ства ноткам. Давно забытое тоскливо билось в сердце, перехватывало ды-хание, и Лёнька крутил шеей, пытаясь сбросить боль воспоминаний.

Под рёв трактора мысли уноси-ли Лёньку в прошлое, гуляя улыбка блуждала по лицу. Забывшись, он за-пел в такт двигателя, и дребезжащий голос вибрировал вместе с кабиной. Ему было хорошо в огромном поле в громящем тракторе под летним, с исстайвающей голубизной, небом.

Сутра в конторе набивается народ. Вера Петровна морщится, раздра-жённо кричит поверх голов:

— Курить на улице!

Во входную дверь протиснулись до-ряки. Рябова, крупнотелая, отгеснила Гусева в сторону. Кто-то выкрикнул:

— Собрание будет?

— Через неделю соберёмся и всё решим.

Оживлённый гул заполнил комнату. Перекрикиваясь, сразу подал голос Гусев: — Закрывается надо. За водителями и трактористами оставить технику.

— А остальным?

— Деньгами. Коров на мясо, телят продать...

Тут же заголосили женщины:

— Коров под нож, совсем ошалели?!

— А вы что приперлись? После дойки вас и не найдёшь, а тут нарисовались.

Наталя Рябова и Света Пенкина, одинаково раскрасневшиеся, надви-нулись на Гусева. Леонид на всякий случай отодвинулся, и тут только за-метил стоявшую возле дверей Зорину. С непонятной злостью бросил:

— И Нефёдьёвские здесь... — про-должить не успел, получил хлопок по затылку от Рябовой.

— У тебя кое-что на мясо сдать, нэп-ман недорезанный.

Мужики, увидев растерянность Гу-сева, затогопали:

— Так еро, бабоньки!

— В капиталисты захотел, социа-лизм ему не нравится!

— Тише! — Лебедев привстал над столом. — Раз область давит, примем устав сельскохозяйственного произ-водственного кооператива. При этом колхоз оставим. Будем сбывать про-

дукцию сами. Разбежаться успеем. По-смотрим, что ещё в Москве придумают. Все потанулись на улице, давая женщинам проход к председательско-му столу. Наталя, настроенная на-более решительно, сразу взяла Лебе-дева в оборот:

— Поилка не работает. Больше воду та-скать не будем. Солому раскатывай сам.

Алексей Васильевич смотрел на распухшие Наталины пальцы, на уставшие лица женщин, на плотно, до белизны, сжатые губы. Недовольно покосился на Зину, которая, склонив-шись над бумагами, незаметно под-несла к носу зажатый в кулачке пла-ток. Успокаивающее пояснил:

— Сегодня шланг от колонки протя-нем. Каждый день Марков на «Бела-рус» будет рулоны в проходы ната-ливать. Пока раскатывайте сами. Всё, девоньки, не мучайте меня. А тебе, Зорина, что?

— Дров, Алексей Васильевич, обе-щали.

— Помню, Антонина, обещал. Перебей-ся пока, будут тебе дрова. А лучше дого-ворись сама, хоть с тем же Марковым.

— А лесник? — привычным движе-нем поправила выбившуюся прядь во-лос. — Бумагу, может, какую?

— Какую бумагу, какой лесник? Бы-стров уволится, к сыну уехал. Наш лес того и гляди отберут. Главное, в государственный не залезьте. — И уже отрёшнело, в сторону: — Свобода... ос-вободились от нас государство.

Гусев, не задерживаясь, сбежал с крыльца. Вспомнил слова председа-теля о лесе, повеселел. Нечего боять-ся, как представится случай, нужно вывозить заготовленные чурки. В от-крытую привез, чтобы Тоська видела. Представил, как Зорина просит его привезти дров, её васильковы, ши-роко распахнутые, всегда изумлённые глаза — и краска пятнами покрыла ску-лы, расплзлась румянцем по щекам.

Петька встал пораньше, когда солн-це только-только над лесом подня-лось. Разгоралось, всё больше растап-кивало облака. Красило края розовым, и наконец проголило, вывалилось на волю. Вспыхнул проём, похожий на устье горящей печи, дохнуло теплом.

Петька не стал сворачивать на вы-гон, прошёл с километр по райцен-тровской дороге. Решил с левой сто-роны выйти на озеро. Шагал мимо покосов, где уже стояли стога, дыми-лись под солнцем. Незнакомый мужик переворачивал валки. Узкоплечий, высокий торопливо махал граблями, хватился над обкошенным лугом, об-хватив широкими ладонями граблеви-ще. Ближе к лесу заблестели в траве лужи, пригладая скинуты резиновые сапожки и пробраться по щиколотки по тёплой воде. Неожиданно пошёл коч-карник. Петька не заметил, как откло-нился слишком влево и чуть не уперь-ся в топкое место. Неаккуратно шагнёт и начнёт ноги засасывать. Бывало, выше колен проваливались, многие оставляли сапоги в трясине.

Петька Гусев взял правее, вышел на знакомое место. С этой стороны пенсионеры не заходили и чернич-ки не успели обогреть. Ловко орудя «комбайном», стал общицать ягодные кусты. На удивление комары мало до-нимали. В деревне от них защищались одеколоном: натирали руки, лицо и комары тоненько попискивали, но на кожу не садились. Петька пользовался отцовым «тройным». Вскоре солнце припекло, да и комары пообвыкли, ста-ли покусывать. Чем ближе продвигал-ся Петька в сторону камня, тем чаще останавливался и, наконец, не выдер-жал. До валуна было рукой подать, и он решил перекусить под его тенью.

Солнце высоко забралось, висело над лесом. Лучи обсушили траву, и она мягко шепестела. Всё вокруг искри-лось, рассыпалось в листве и отлива-ло золотом. Свет бил в глаза и было больно смотреть. Петька пропустил момент, когда показался валун. Небо вдруг отпрянуло ввысь и деревья раз-бежались, обнажили громаду. Замер Петька, почувствовал, как тосковал всё это время по камню. Свет горел на ма-кушке, но ещё не перевалил на другую сторону, и короткая тень притулилась к основанию. Обошёл вокруг, прочертил рукой по твёрдой поверхности, потом долго сидел, прижавшись спиной.

Дремал Петька Гусев и видел бес-крайние хлебные поля, как ветерок го-нит по колосьям лёгкую волну; горюшки цепью протянулись, между ними река с омутами и заводьями плещется, берега ласкает; в белом свете, из-под солнца, богатырь на коне едет, а внизу дорога — одна сторона светом освещена, дру-гая — в тени томится. По ней мальчик идёт, и в нём Петька Гусев себя узнаёт. Встретились на развилке, где небо с землёй встречается. Посадил богатырь мальчика впереди себя, вздёрнул за уздцы и понёс конь, только ветер лицо буравит. А внизу лес древний, деревья в три обхвата, а между ними тропинки узоры плетут. Мчится конь к скалам гранитным, где гнезда орлы вьют, где из расщелин родники бьют. Скакал конь по земле, потом по воздуху. Всё ближе искрятся звёзды, и они малой песчин-кой вспыхивают между ними. Плывут в бесконечности, и кто-то нащёптывает: «Будешь ты сильным, но сильнее меня не станешь, будешь мудрым, но мудрее меня не станешь. Помни: не день рож-дает ночь и не ночь рождает день, а то, что между ними...». Исчез богатырь, один лил туманится, очертания которо-го расплывались в чернеющей синеве и только глаза — добрые, всепомниаю-щие — светлились в звёздном небе.

Сон крепко забрал Петра. Вязкий запах травы и прогретого камня унёс в сновидения. Спит Петька Гусев, рас-кинув ноги и приwallившись головой к валуну. Лёгкие облака скользят тенью по земле, скрываят млесвое за ними солнце. Жары нет. Ветерок студит лицо. Мягкая трава поднимается во-круг камня, до самой осени густо сто-ит, и Петька утонул в свежей зелени, казался проросшим из каменной серд-цевины. Поджарый, с разморённым от тепла лицом, походил на молодца, утомлённого работой.

Бабка Маша и бабка Полина, про-бираясь мимо с полными ведрами ягод, залюбовались «рабочником» и еле сдерживая смех тихонько, чтобы не разбудить, засеменили мимо.

У деревни встретили Петькиного отца. Гусев на бульдозере сгребал на-воз, вытаскивал за скотный двор. Не глуша двигатель, поинтересовался:

— Как ягода? Всё вынесли или нам оставили?

— Оставили, оставили... Видели тво-его, — бабка Маша попыталась остано-вить Полину, но её понесло: — Уж до того ухватист: полный рюкзак накидал и ведра в каждой руке полнёхоньки.

Леонид, почувствовав подвох, вски-нул брови:

— Ну-ну, договаривай...

Бабку уговаривать не надо, всё вы-ложила:

— Спит у камня и ведёрко кверху дном. Умаялся, собираючи...

— Ну, хватит...

Гусев не дослушал, дёрнул рычаги, и трактор, взрвев, выбрасывая комья грязи из-под гусениц, пошёл по лугови-не вдоль поляна. Одна мысль билась в голову: уничтожить, смять то, что преткыкой легко между ним и сыном.

Дрожит земля. Рвут траки землю, оставляя за собой чёрные полосы. За ручьём взбуксовал, вырвал ключья дерновины, и пошёл по лесной доро-ге, давая кусты. Вспизгивают от ударов ножом тоненькие деревца, уносятся назад, ещё долго мотая верхушка-ми. Сжал зубы Гусев, себя не помнит. Что-то копилось в нём: нарывало, на-рывало и прорвалось. Выхлестнулась злоба наружу: то ли на жену, то ли на сына, то ли неизвестно на что. Но всё недовольство жизнью соединилось, сошлось на камне. Распался себя мыс-лю: «Ишь, хозяином себя почувство-вал, власть над людьми хочешь взять? Не выйдет... Выкинули в болото, так и сиди там. Не можешь к людям выйти и к себе не подманивай!». Он словно задубел, не чувствовал толчков, гнал и гнал трактор вперёд. Не слышал хрста сминаемых кустов, только видел, как навстречу летели ветки, бились о стекло. Он беспрерывно дёргал рыча-ги, тело его моталось из стороны в сторону. Наезжал на старые, полу-сгнившие стволы, валил их с ожесточе-нием. Отступал, отваливал в стороны лес. Ещё долго сотрясался деревья, задетые вздёрнутым кверху ножом. Остался позади поскотина, всё ближе приближался гул и треск к валуну.

Камень слышал шум и жалел о ско-ром пробуждении Петра. Покойно сто-ял, покойно и ждал: повалят — встанет. Не иссякнет сила, которая струилась из него по округе, дотягивалась до де-ревни, где соединялась с другой — бо-лее молодой и крепкой, и эта сомкну-тая сила, как в ларце, сохранялась в полуразрушенной церкви, не требуя к себе поклонения. Она лишь хотела, чтобы о ней — спящий, знали и по-мнили. Эта сила цеплялась за людей, но они отцеплялись, припадая то к одной, то к другой, не умея почувствовать их общность. Для этой силы всё было родным и живым, но чужое отравляло воздух, не давая воскреснуть памяти.

Посторонний шум вторгался в Петь-кины грёзы, и картины сказочного мира колебались, как струи перегретого на солнце воздуха. Сознание противи-лось, не хотело покидать сновидение. Ему было спокойнее в иллюзорном мире, но реальность рушила сон, неся с собой страх и тревогу.

Проснувшись, он не сразу понял, где находится. По-прежнему камень выглядел огромной скалой, упираю-щейся в небо. Свет из-под нависших облаков проливался на Петьку, и ему казалось, что это богатырь смотрит из древности, лаская и успокаивая его. Грохот окончательно прогнал сон, но он ещё не отличает явь от наваж-дения. Трактор, проламывающий мо-лодые ёлки, кажется ему призраком. Туманится взор, но свежий ветерок разогнал морок, и Петька окончатель-но осознал действительность.

Увидев лицо отца, он тут же дога-дался, зачем он здесь. Гусев, не обра-щая внимания на сына, а может быть, не видя его, опустил отвал на уровень земли, и медленно стал напозать на валун. Нож никак не мог подцепить кромку, всё соскальзывал и соскаль-зывал. Тёмное заслонило кабину, и Леонид подал назад, приподнял от-

вал, уперьса, пытаясь качнуть. Год на-зад он пробовал сдёрнуть тросом, но «Беларусь» был слишком слаб, сей-час же ДТ-75 заставил вздрогнуть ка-мень. Высекая крошку, трактор рвал гусеницами землю, погружаясь в неё. Боясь увязнуть, сдал назад, и снова надавил. Камень качнулся и слегка наклонился, цепляясь подошвой за луговину. Трактор кренило, качало, но сильнее сдвинуть камень не уда-валось — глубоко сидел в земле. Рёв двигателя стоял в ушах. Казалось, щёки Леонида усохли и обвисли, под-ёргиваясь на скуплах. Тепло его ходило ходоуном в такт движениям кабины.

Пётр словно одеревенел, стоял рядом и не мог пошевелить ни ногой, ни рукой. Из ступора вывел скрежет сбиваемого выступа. Трактор уперьса в бол валуна, крошил то, что казалось рукой. Мелкие отломыши сыпались в трав